

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА

УГОЛОВНО-НАКАЗУЕМЫХ БАНКРОТСТВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье рассматриваются особенности криминализации уголовнонаказуемых банкротств в отечественном законодательстве. Уделяется внимание древнерусским источникам права, рассматриваются законодательные акты допетровской эпохи и последующих, проводится анализ содержания исследованных нормативных документов. На основе изученного законодательства сформулированы выводы о необходимости комплексного изучения историкоправовых аспектов формирования института криминальных банкротств, поскольку государственная политика в сфере обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации основывается на традиционных российских духовно-нравственных ценностях.

Ключевые слова: криминальные банкротства, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, национальная безопасность, экономическая безопасность

E.B. Mikova

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF FORMATION OF INSTITUTE OF PENAL BANKRUPTCIES IN THE DOMESTIC LEGISLATION

In article features of criminalization of penal bankruptcies in the domestic legislation are considered. The attention is paid to Old Russian sources of the right, acts of a pre-Pertine era and the subsequent are considered, the analysis of contents of the studied normative documents is carried out. On the basis of the studied legislation conclusions about need of complex studying of historical and legal aspects of formation of institute of criminal bankruptcies as the state policy in the sphere of ensuring national security and social and economic development of the Russian Federation is based on traditional Russian spiritual and moral values are formulated.

Keywords: criminal bankruptcies, illegal actions at bankruptcy, deliberate bankruptcy, fictitious bankruptcy, national security, economic security.

Исторические аспекты формирования и криминализации преступного деяния заслуживают интереса постольку, поскольку именно в нормативных предписаниях различных исторических периодов возможно определить основные направления формирования правовой мысли относительно того или иного преступления, выявить факторы, способствовавшие его криминализации, структурно выделить существенные признаки общественной опасности, а также сформулировать выводы относительно дальнейшего правоприменительного использования и совершенствования положений уголовного законодательства, регулирующего широкий спектр общественных отношений.

Экономические преступления, в силу своего всепроникающего характера, подрывают полноценное функционирование рыночных структур, снижают предпринимательскую активность, создают угрозу экономической безопасности государства. В частности, преступления, связанные с несостоятельностью (банкротством), являясь одним из элементов экономической преступности, наносят ущерб кредиторам должника, государству, являются наиболее сложными в следственной и судебной практике. Таким образом, для полноценного понимания сущности уголовной ответственности за криминальные банкротства важно проследить исторические особенности возникновения, законодательного развития и совершенствования указанного правового института в отечественном законодательстве.

Нормы, регулирующие уголовную ответственность за криминальные банкротства, присутствуют еще в Русской Правде. В этом фундаментальном источнике древнерусского права содержалось более двадцати статей, регулировавших как кредитные отношения, так и последствия неисполнения обязательств.

В ст. 54 Пространной редакции Русской Правды указано: «...Если купец, взяв товары, потерпит кораблекрушение, или подвергнется пожару, или будет ограблен неприятелем, то нельзя сделать ему какое-либо насилие или продать в рабство, но необходимо позволить ему рассрочку платежа на несколько лет, потому что это несчастье от бога, а он не виноват в нем. Если же купец вверенный ему товар или пропьет, или проиграет, или испортит по глупости, то доверители поступают с ним, как им угодно; хотят – ждут, хотят – продадут в рабство, на то их воля ...» [5, с. 17]. Как усматривается, норма регулирует не только отношения несостоятельности, возникшей в результате действия непреодолимой силы: пожара, наводнения, ограбления, то есть, обстоятельств, не предусматривающих наличие вины должника. В статье четко указано, что за несостоятельность, возникшую по вине должника в результате пьянства, пари, иных неправомерных действий, связанных с

потерей товара, должник подлежит ответственности, а кредиторы вправе требовать возмещения убытков, а также продажи имущества должника. Наиболее строгая мера наказания предусматривает продажу самого должника.

Судебник Ивана III 1497 г., Судебник 1550 г., а также Соборное Уложение 1649 года также устанавливают ответственность за невозможность уплаты лицами торгового сословия долгов по причине неблагоприятных действий заемщика [5, с. 41, 45, 85] и по общему смыслу совпадают с положениями Русской правды.

Ряд авторов, исследовавших древнерусское законодательство, солидарны, что истоки установления ответственности за виновную несостоятельность содержатся именно в этих правовых актах. Вместе с тем, Русская Правда, Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное Уложение 1649 г., устанавливают ответственность за банкротство вследствие неблагоприятных действий должника. В этой ситуации банкротство возникает как результат неправомерных действий, то есть напоминает состав современного преднамеренного банкротства.

Исследование норм Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 года, проведенное А.М. Зацепиным, позволяет говорить о том, что почти все нормы Уложения 1845 г. посвящены установлению уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве [4, с. 82].

При этом следует отметить, что в дореволюционной России преступность и наказуемость деяния определялись не только основополагающими уголовноправовыми актами, в том числе Уложением о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г., но и отдельными законодательными актами, регулирующими различные общественные отношения, в том числе несостоятельность, в силу ее комплексного характера. Например, здесь можно указать на положения Устава о банкротствах XVIII–XIX вв., регулировавших не только условия несостоятельности, но и последствия нарушения законодательных предписаний.

А.Х. Гольмстен, исследуя вопросы несостоятельности в XVIII–XIX вв., выделяет три основных направления развития законодательства о несостоятельности: 1) иностранное, связанное с применением зарубежных нормативных актов в связи с отсутствием государственной регламентации; 2) национальносамобытное, связанное с развитием закупничества, т.е. передачи должника для отработки кредитору; 3) канцелярско-кодификационное, регламентирующее институт несостоятельности в целом, в том числе вопросы установления ответственности за неправомерные действия при банкротстве [1, с. 50].

С точки зрения правовой регламентации ответственности банкротов интересны положения Указа Анны Иоановны от 6 февраля 1735 г.: «...какимъ образомъ в таких случаяхъ поступать, Российскихъ особливыхъ уставовъ не имеется: а впредь как с банкротами поступать, о томъ, собравъ из разныхъ государствъ права купеческие, учинить уставъ Коммерц-коллегии и подать для рассмотрения с Сенатъ, а из Сената подать для апробации Ея Императорскому Величеству...» [2, с. 23].

Особое место среди нормативных регуляторов несостоятельности в XVIII–XIX вв. занимает проект первого Устава о банкротах 1740 г., который после утверждения Кабинетом министров получил статус закона, однако в связи со сложными отношениями между Кабинетом министров и Сенатом опубликован не был.

«Согласно положениям статей 4, 5, 32 и 33 указанного Устава 1740 г. признаки несостоятельности определяются по отношению к банкроту как «лицо, которое платить не может», «кредиторов доводить не может», а состояние должника характеризуется «разорением». Устав 1740 г. разделяет несостоятельность на несчастную (безвинную) и злостную (в том числе неосторожную). Несчастной считается несостоятельность, возникшая вследствие пожара, войны, наводнения, несостоятельности партнера. Субъектами являются только купцы.

Устав 1740 г. выделяет три основания злостного банкротства: обманство, продерзость и неосторожность. Под продерзостью понимается нарушение общих положений Устава, касающихся ведения в процессе деятельности купеческих книг, составления балансов в конце каждого года, необъявление Коммерцколлегии о невозможности исполнения обязательств и другие.

К случаям неосторожности Устав 1740 г. относит осуществление торговли без собственного капитала или при его недостатке, попытки взяться за непосильное предприятие, излишний риск в торговле, образование товарищества с «явным обманщиком» с последующим банкротством» [2, с. 37–38].

Что касается «обманства», то показательны следующие статьи Устава 1749 г. Статья 14 определяет: «...когда купецъ, усмотря уже банкротство свое, до объявления о томъ по дружбе или для другихъ приметокъ, другому какая росписки или поступные письма дать или переводы чинить...банкротовщика почитать злостным банкротом...». Нормой фактически закрепляется ответственность за умышленное или неправомерное увеличение пассива должника в предвидении банкротства («росписки дать») или неправомерную передачу имущества должника другому лицу («переводы чинить»). Статья 22 предусматривает уголовную ответственность за неправомерные действия со

вновь нажитым имуществом во время легальной процедуры банкротства в форме утаивания или удовлетворения имущественных требований отдельных кредиторов в ущерб другим. Сходные положения содержатся и в современном уголовном законодательстве.

Следовательно, согласно положениям Устава 1740 г., продерзость и банкротство, исходя из толкования их смысла, представляют собой современное преднамеренное банкротство. Под «обманстом» законодательно понимаются деяния, подпадающие под признаки современных неправомерных действий при банкротстве.

Таким образом, Устав о банкротствах 1740 г. явился первым юридическим документом, закрепившим уголовную ответственность за неправомерные сокрытие, передачу имущества во владение иным лицам, удовлетворение требований отдельных кредиторов в ущерб другим кредиторам, совершенные при наличии признаков банкротства [1, с. 51].

В дальнейшем попытки предусмотреть уголовную ответственность за незаконное банкротство предпринимались в связи с принятием проектов Уставов о банкротствах в 1753 и 1763 гг., однако их положения в большинстве совпадали с нормами Устава 1740 г., за исключением, что безвинная несостоятельность перестала признаваться уголовно-наказуемым банкротством, в отличие от неосторожных или умышленных банкротств.

Развитие нормативного регулирования уголовно-наказуемых банкротств прослеживается с принятием Устава о банкротствах 1800 г. Павлом I. Документ указывал следующие формы уголовно-наказуемых деяний при наличии признаков банкротства: 1) утаивание имущества или требований должника на чужое имущество; 2) удовлетворение требований отдельных кредиторов в ущерб требованиям иных кредиторов; 3) выдача подложных векселей, расписок, поступных писем, иных обязательств, изменение существующих обязательств с целью имущественных выплат в ущерб кредиторам после усмотрения неминуемого банкротства.

Таким образом, Устав о банкротах 1800 г. закрепил ответственность за неправомерные действия при банкротстве, совершаемые в двух формах: уменьшение активов предприятия (сокрытие имущества и своих требований на имущество) и увеличение пассивов (выдача подложных векселей, расписок).

В 1832 г. Устав о банкротах 1800 г. был заменен на Устав о торговой несостоятельности, который применялся только к лицам, осуществлявшим торговлю. Под банкротством (неосторожным и злонамеренным) понимались лишь умышленные действия должника, выражающиеся в сокрытии имущества, внесении недостоверных сведений о кредиторских или дебиторских задолженностях в смету (подлог).

Устав о торговой несостоятельности 1832 г. просуществовал до Октябрьской революции 1917 г. и как правовая основа для подобных категорий дел применялся судами еще некоторое время в отсутствие норм, регулирующих правила несостоятельности.

После 1832 г. происходило реформирование уголовно-правового законодательства, в частности, было принято Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г., которое только установило размеры наказания и восполнило существующие пробелы в уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве. Были криминализированы: сокрытие имущества во вред кредиторам (ст. 1585), утаивание от кредиторов закладных писем (ст. 1587), действия, препятствующие осуществлению процедуры банкротства (ст. 1588). Уложение 1845 г. расширило субъектный состав неправомерных банкротств, установив ответственность для неторгового сословия, руководителей акционерных обществ и товариществ.

Не менее существенный вклад в установление ответственности за криминальные банкротства внесло Уголовное уложение 1903 г. В нем четко и полно описаны признаки объективной стороны всех преступлений, связанных с банкротством. Уголовная ответственность дифференцировалась по субъекту: частные лица подлежали заключению в исправительных домах на срок до трех лет, а лица торгового сословия – до восьми лет [3, с. 144]. Уголовным уложением 1903 г. предусматривалась ответственность как за преступное уменьшение активов, так и за увеличение пассивов должника. «Уложение уходит от казуистического описания неправомерных действий терминами «сокрытие», «утаивание», существовавшего в Уставах о банкротах 1740 г., 1753 г., 1763 г., 1800 г., и в Уставе о торговой несостоятельности 1832 г., расширяя признаки объективной стороны понятиями «ложные показания об имуществе», «умолчание», «выдача уменьшающих конкурсную массу обязательств», «передача», «переукрепление» и другими [1, с. 53].

После революции 1917 г. суды перестали рассматривать ранее возникшие дела о несостоятельности, а с введением в действие Уголовного кодекса 1922 г.

ответственность за криминальные банкротства была окончательно упразднена.

В настоящее время, в период развития товарно-денежных отношений, укрупнения частного сектора экономики, появления новых возможностей финансово-экономической реализации, установление действенных уголовно-правовых механизмов защиты общественных отношений, связанных с регулированием экономики, в том числе на основе предыдущего

отечественного опыта, является приоритетным направлением уголовно-правовой политики государства.

Список использованной литературы

1. Вакутин А.А. История развития уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве в законодательстве России / А.А. Вакутин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2 ч. – Тамбов : Грамота, 2013. – Ч. II. – С. 50–54.
2. Гольмстен А.Х. Исторический опыт русского конкурсного процесса / А.Х. Гольмстен. – СПб., 1907. – 302 с.
3. Есипов В.В. Уголовное уложение 1903 года, его характер и содержание / В.В. Есипов. – Варшава : Тип. Варш. учеб. окр., 1903. – 179 с.
4. Зацепин А.М. Эволюция законодательства об уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве / А.М. Зацепин // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2008. – № 2. – С. 81–88.
5. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / Ю.П. Титов. – М. : Велби : Проспект, 2004. – 472 с.

Информация об авторе

Микова Ева Борисовна – старший преподаватель кафедры правового обеспечения национальной безопасности Института Национальной и Экономической Безопасности ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», 664003, Иркутск, ул. Ленина, 1, корп. 5, e-mail: eva-mikova@mail.ru.

Author

Mikova Eva Borisovna – is the senior teacher of department of legal support of national security of Institute of National and Economic Security «The Baikal State University», 664003, Irkutsk, Lenin St., 1, e-mail: eva-mikova@mail.ru.